

Научная статья

УДК 34.096

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-5-14

Правовая природа закрепления национально-автономистского статуса Царства Польского в составе Российской империи

Николай Иванович Красняков

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

n.krasnyakov@nsu.ru

Аннотация

Определяются некоторые исходные положения в исследовании юридических начал вхождения отдельно взятого региона в состав Российской империи – Царства Польского, при этом устанавливается взаимосвязь таких категорий, как империя, многоукладность, автономизм и государственное единство. Акцентируется внимание на сложности, комплексности и междисциплинарности социальной категории «империя». На основе законодательства, архивных материалов и научных трудов последовательно рассматриваются условия, идеи и средства включения территории в единое политико-правовое пространство имперского государства. Автор приходит к убеждению, что начало интеграции Царства Польского в состав Российской империи характеризуется юридическим составом инкорпорации, а не реальной унии.

Ключевые слова

Российская империя, этнополитика, регион, многоукладность, унификация, иерархическая структура

Для цитирования

Красняков Н. И. Правовая природа оформления национально-автономистского статуса Царства Польского в составе Российской империи // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 4. С. 5–14. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-5-14

The Legal Nature of the Registration of the National-Autonomist Status of the Kingdom of Poland within the Russian Empire

Nikolay I. Krasnyakov

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

n.krasnyakov@nsu.ru

Abstract

Some initial provisions are determined in the study of the legal principles of the entry of a particular region into the Russian Empire – the Kingdom of Poland, while establishing the relationship of such categories as empire, multiculturalism and state unity. Attention is focused on the complexity, complexity and interdisciplinarity of the social category „empire“. On the basis of legislation, archival materials and scientific works, the conditions, ideas and means of including the territory into a single political and legal space of the imperial state are consistently considered. The author comes to the conclusion that the beginning of the integration of the Kingdom of Poland into Russia is characterized by the legal composition of incorporation, and not by a real union.

Keywords

Russian Empire, Ethnopolitics, region, multiculturalism, unification, hierarchical structure

© Красняков Н. И., 2024

For citation

Krasnyakov N. I. The legal nature of the registration of the national-autonomist status of the Kingdom of Poland within the Russian Empire. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 4, pp. 5–14. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-4-5-14

Как известно, в истории функционировали многие, рассматриваемые преимущественно в границах националистического дискурса, империи [1, с. 25]. Однако приходится констатировать, что по-прежнему имперская проблематика остается нераскрытой в историко-правовой науке, и по ней отсутствуют «сколько-нибудь заметные сравнительно-исторические работы» [2, с. 124], а опыт осуществленных исследований показал необходимость дальнейшего поиска ее дефиниций [3, с. 11]. При этом уточним, что нации и этносы в действительности не занимали господствующего места в конструировании имперского пространства во времени до начала XIX в. и не выступали основной формой организации социальных общностей той эпохи в реализации ими своих интересов. Традиционно востребованными и действенными оставались общественные институты господства сословной организации и бюрократии в силу своей развитости, покрывая своей фундаментальностью в социуме и являясь более общим видом стратификации населения.

Приложение какой-либо модели организации власти, населения и территорий как матрицы к имперским политико-правовым пространствам не удавалось ни древним мыслителям, ни нашим современникам-ученым, однако в ходе типизации научного аппарата по отраслям знания путем разделения смысловых субстанций постепенно пришло осознание комплексности и междисциплинарности социальной категории «империя». Как мы уже уяснили, данное понятие имеет сложное определение, что обусловлено прошлой и настоящей многозначностью и широтой его практического использования в различных науках о человеке и обществе: истории, философии, социологии, политологии, историко-теоретических юридических исследованиях; да и, кроме того, оно несет на себе оттенки нарастающей борьбы идеологий во взаимодействующем и быстроменяющемся глобальном мире.

Расширение мировоззренческих горизонтов в историко-юридической науке на рубеже XX–XXI вв. функциональным образом отразилось и на исследовании прежде во многом идеологизированной имперской парадигмы в позитивации общественных институтов, в частности, относительно интеграции наций-этносов завоеванных территорий, инкорпорации местных правовых систем в единое имперское право и преодоления обычно-правового партикуляризма, встраивания административного строя периферии в унифицированную систему правительственных учреждений, взаимообусловленности формирования имперских политических структур сочетанием интересов населения – власти окраин и центра [4].

Об имперской схеме управления национально-этническим сообществом стоит рассуждать тогда и только тогда, когда в единое целое приходится интегрировать несколько разных политических систем, образов жизни, традиций права, религиозных конфессий и т. д. То есть империя – это институт, характерный для той или иной стадии существования традиционного общества, это механизм, с помощью которого поддерживается существование нескольких разнородных традиций и жизненных укладов, на которые, без их разрушения, не может быть наложена слишком жесткая схема организации общественной жизни. Сам механизм имперской интеграции может быть очень разным – от постепенной унификации, хотя бы в основных установлениях (как в римской и французской имперских практиках) до поддержания под единым суверенитетом всего конгломерата традиций (как в эллинистическом и британском вариантах). Подчеркнем при этом взаимообусловленность эволюции населения в связке с государственной властью и сошлемся на мысль другого классика истории права: «материальное и нравственное развитие государства может только тогда идти прогрессивно, когда правительство, уважая различные нравы, религии, обычаи и языки, веками созданные различными племенами, соеди-

ненными под одним скипетром, твердой рукой заставляет исполнять общие государственные законы» [5, с. 9].

Рассматривая интеграционный процесс применительно к польским территориям в составе Российской империи, необходимо в качестве его факторов воспринимать, что последний период почти самостоятельного политического бытия польского государства, т. е. накануне его раздела Россией, Пруссией и Австрией на Венском конгрессе 1815 г., представляется как кризис феодальной республики. Такое суждение формируется в итоге самого события – очередного, уже третьего раздела Польши за последнее столетие. Убеждают и материалы исследований, например, в «Историческом очерке Польского сейма» констатируется, что эволюция политического развития польского государства проходила в направлении ликвидации народного представительства. В частности, звенья названного процесса: «период усиления сеймиков (1572–1648), их преобладания (1648–1764) и ограничения их власти в последние тридцать лет существования Речи Посполитой» (сеймики – дворянские собрания по административно-территориальным единицам) подтверждают данный вывод. Была отменена возможность выбора короля шляхтой [6, с. 143], а «в конституцию 3 мая не попали ни постоянный сейм, ни образование особой шляхетской избы на сейме» [6, с. 157], тем более что «сеймы вели только к безграничному своеволию шляхетства и угнетению ими прочих сословий» [7, с. 6].

События Смуты XVI–XVII вв. проиллюстрировали далеко идущие международные амбиции польского государства, нестабильность в отношениях Польши и России, а также продолжающиеся взаимные претензии на территориальную и политическую самостоятельность. Поскольку ни одной, ни другой стороне в итоге не удалось совершить приобретения, то можно говорить, что и позиции их остались прежними, а геополитические противоречия сохранились. Внутри же польского общества Смутное время привело к «окончательному распаданию» аристократического элемента, но простонародью, однако, не удалось получить его наследия, поскольку оно досталось через посредство служилых людей придворной камарилье и бюрократии [8, с. 410].

Дальнейшее изменение основ суверенитета Польши связывают с заключением в 1768 г. российско-польского договора о «гарантии» государственного и сословного строя Речи Посполитой. Как доказал исследователь Б. В. Носов, оно означало формальное признание зависимости шляхетской республики от Российской империи, сохранение политической анархии в Польше и устранение влияния в Речи Посполитой других великих держав [9]. Однако международная ситуация оставалась нестабильной, и дальнейший раздел Польши в эпоху Екатерины II стал продолжением европейской политики, поскольку с конца 60-х гг. XVIII в. король Пруссии Фридрих II старался добиться согласия России на раздел Польши. В 1770 г. Австрия захватывает два староства в Польше, ссылаясь на то, что некогда эта территория принадлежала Венгрии, причем Фридрих II не возражал против такого развития событий. Россия, будучи в сложном внешнеполитическом положении, тем не менее, стремясь сохранить целостность Польши и удержать ее под своим влиянием, отвергла выдвигаемые Пруссией планы раздела Речи Посполитой. Выждав определенное время, Фридрих опять обратился к России с предложением о разделе Польши. Условия затяжной русско-турецкой войны 1768–1774 гг., сближение Пруссии с Австрией и вынудили Россию пойти на соглашение [10, с. 43]. Король Станислав Август отказался от престола; области Литовская, Гродненская и Курляндская были присоединены к России; воеводства Краковское, Сендомирское и Люблинское – к Австрии; остальные земли с городом Варшавой – к Пруссии¹. В итоге всех разделов польского государства к началу XIX в. к России присоединены: по первому разделу в 1772 г. отошли некоторые белорусские земли и часть Прибалтики². По второму разделу в 1793 г. отошла еще часть Белоруссии и Пра-

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 694. Оп 2. Ед. хр. 119. Л. 29, 59.

² Секретная конвенция относительно первого раздела Польши. 4 (15) января 1772 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т. 6. Трактаты

вобережная Украина, а в итоге третьего в 1795 г. – Западная Белоруссия, Литва, Курляндия и часть Волыни³, т. е. произошло воссоединение белорусских и украинских земель; соответственно, их вхождение не противоречило коренным интересам основной части населения.

Предметом обсуждения послевоенного устройства Европы в 1815 г. стало и обсуждение существования Польши, выступившей на стороне Наполеона как единого государства. Предложения России о включении Герцогства Польского целиком в состав Российской империи и об установлении на ее территории конституционного правления не были поддержаны Австрией, Францией и Англией, так как они стремились не допустить территориальной целостности Польши. Возможно, стоит согласиться с мнением, что хотя России и были чужды польские земли, но поскольку единая Польша не была нужна Европе, то разделили ее из-за вынужденной необходимости в международно-политической ситуации [11, с. 213]. «Дружественным трактатом, заключенным в Вене, между их величествами императором всероссийским и императором австрийским и королем прусским – Об утверждении благосостояния поляков»⁴ устанавливалось, что Герцогство Варшавское «навсегда присоединяется к империи Российской» и что оно, «в силу своей Конституции, будет в неразрывной с Россией связи и во владении его величества императора, наследников его и преемников на вечные времена». Уже в данном документе Александр I выразил стремление «даровать по своему благоусмотрению внутреннее распространение сему государству, имеющему состоять под особенным управлением». Констатируется, что «сообразно с существующими в рассуждении прочих его титулов обычаем и порядком присовокупить к оным и титул Царя (Короля) Польского», т. е. смысл власти императора в присоединенной территории и административной системы в ней России идентичен вошедшим ранее окраинным территориям.

По воле сторон Трактата определялось, что поляки в составе государства-победителя будут иметь «народных представителей и национальные государственные учреждения», но основанием их предоставления станут определенные верховной властью формы, «согласные с тем образом политического существования, который каждым из правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них в кругу его владений». Следовательно, речь идет об установлении «особенного управления» в обозначенных польских территориях, а вовсе не о личной унии созданного Наполеоном Великого Герцогства Варшавского и Российской империи, причем «особость» предлагается реализовать существующим законодательством России о регулировании регионального управления, обещанием организации избранных от местного населения органов управления и дальнейшей волей императора. Провозглашение упомянутым актом Кракова вольным городом было регламентировано «дополнительным трактатом о Кракове, области его и Конституции...»⁵. Предусматривалось покровительство над ним «трех высоких договаривающихся сторон» на основе 22 содержащихся в Трактате статей «Конституции вольного города Кракова».

Присоединенная значительная часть Герцогства Варшавского получила от Александра I наименование Царства Польского, поскольку Манифестом от 9 мая 1815 г.⁶ декларирова-

с Германиею. 1762–1808. № 223. С. 71–81; Конвенция, заключенная в С.-Петербурге относительно раздела Польши. 25 июля 1772 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1875. Т. 2. Трактаты с Австриею. 1772–1808. № 31. С. 24–29.

³ Конвенция, заключенная между Россией и Пруссией, относительно нового раздела Польши. 13 (24) октября 1795 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т. 6. Трактаты с Германиею. 1762–1808. № 233. С. 163–170; Конвенция относительно раздела Польши, заключенная между Россией и Пруссией, при участии Австрии. 13 (24) октября 1795 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1875. Т. 2. Трактаты с Австриею. 1772–1808. № 48. С. 277–280.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). ПСЗРИ-1. Т. 33. № 25824.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. 33. № 25826.

⁶ Там же. № 25842.

лось восстановление Царства Польского верховной властью России, закреплялось автономное управление поляков «на особенных правилах, свойственных наречию, обычаям жителей и к местному их положению примененных». Итоговым «Актом Венского конгресса»⁷ в общей формулировке определяются, как давно решенный вопрос, подразумевающие широкую самостоятельность в публичном праве подходы к управлению российской частью польских территорий, хотя в основном источник касается гарантий суверенных прав для прусского королевского двора в новых владениях. В продолжение заявлений императорским манифестом жителям Царства объявлено о даровании конституции, самоуправления, собственной армии и свободы печати (Пруссия и Австрия ограничились введением территориального местного самоуправления). Окончательная редакция конституции была создана министром-статс-секретарем И. Соболевским, осуществлявшим связь между императором и польским правительством. Широкое распространение в исследованиях этот нормативный правовой акт получил под названием «Конституционная хартия», поскольку при переводе с французского употреблен близкий по значению, но европейский термин – «хартия». Однако, как справедливо заметил современный исследователь С. В. Кодан, будет и точнее, и юридически правильнее применять сочетание «Конституционный устав» [12, с. 57], поскольку текст составлен на русском языке, получил реализацию в Российской империи и потому переводом должен иметь русское слово.

Основные положения Устава устанавливали правовой статус присоединенной территории в качестве части империи и обозначали российского императора источником верховной власти. То есть для публично-правовой сферы устанавливался примат в правовом регулировании российской государственной власти, которая особо тщательно контролировала развитие государственного права. Монарх объявлялся польским королем, и корона Царства становилась наследственной для русских царей по русским законам. Власть императора законодательно ограничивалась конституцией: «конституционная хартия определяет порядок и принципы отправления верховной власти», соблюдать ее император обязывался особой клятвой, произносимой во время коронования царем Польши. Относительно статуса и основ публичного управления источником предписаны следующие правила: польскому народу гарантировалось народное представительство. Оно реализовалось в сейме, состоящем из царя и из двух палат. Первой был Сенат, вторая включала послов и депутатов от гмин; уточнялось, что верхняя палата состояла из членов, пожизненно назначаемых императором из числа принцев крови, епископов и кастелян, собиралась «для отправления законодательных функций... не иначе как по созову царя во время сейма», для решения остальных вопросов – по созову назначенным царем председателем. Нижняя палата состояла из депутатов, избранных путем прямого голосования на местных дворянских собраниях и избирателями в гминах по сословной избирательной системе с учетом имущественного ценза (значительная часть населения, включая уже лично свободных к тому времени крестьян, не имела право избирать). Сейм лишен законодательной инициативы: «...заявления, представления и запросы послов и депутатов о благе и пользе их доверителей» сейм мог принимать только после одобрения их императором, но обладал правом вето и требования отчета правительства. В итоге по уставу Царство Польское в составе Российской империи выступало как национально-территориальное образование с элементами собственной государственности, локализованной системой законодательной деятельности и сложившегося к этому времени местного права.

При внедрении перечисленных норм на практике учитывались следующие условия: деятельность царя должна была строго согласовываться с представителями администрации, обладавшими правом следить за соблюдением конституционных основ, в частности, «все повеления и указы царя контрастируются министром – начальником департамента, который ответствен за все, что сии повеления и указы могли бы заключать в себе противного конститу-

⁷ ПСЗРИ-1. Т. 33. № 25826.

ции и законам». Важное место отводилось Уставом самостоятельности суда, судебная власть провозглашалась независимой, при этом под независимостью судьи понималась «присвоенная ему свобода высказывать свое мнение при разборе дел, не подчиняясь влиянию ни высшей власти, ни власти министров или каким бы то ни было другим соображениям», однако за императором сохранялось право изменить или даже отменить любое судебное решение. Кроме того, Уставом были предоставлены буржуазные свободы: печати, равенства всех сословий перед законом, неприкосновенность личности и т. д. [13, с. 153].

Обобщая вышеизложенные нормы законодательства, выделим сложившуюся на практике систему управления Царством (Королевством) Польским. Итак, вся полнота власти принадлежала королю (русскому царю), но при этом законодательную власть он осуществлял совместно с сеймом, в который входили: 1) король, 2) Сенат, 3) Посольская изба. Сенат состоял из членов королевской фамилии, а также назначаемых королем епископов и высших должностных лиц. Посольская изба состояла из 77 депутатов от шляхты и 51 – от гмин. Сейм должен был собираться каждые два года или по мере необходимости. В действительности всего состоялось 4 сейма – в 1818, 1820, 1825 и 1830 гг. Компетенции сейма, по сравнению с наполеоновской конституцией 1807 г., были несколько расширены: он мог осуществлять законодательство в области суда и административного права, принимать решения по вопросам денежной системы, налогов и бюджета. Однако первый бюджет, вопреки конституции, утвердил сам царь. Законодательная инициатива вверялась государственному совету, состоявшему из административного совета (в 1826 г. был преобразован в высший правительственный орган) и общего собрания. В административном отношении королевство подразделялось на 8 воеводств, управлявшихся коллегиальными воеводческими комиссиями. Воеводства, в свою очередь, делились на поветы и гмины (общественно-территориальные единицы). Создавалось польское войско с польским языком командования и национальными мундирами. Во главе управления королевством стоял наместник, назначаемый королем. Главнокомандующим польской армией был назначен великий князь Константин, наместником – генерал Зайончек. Императорским комиссаром при административном совете стал сенатор Н. Н. Новосильцев.

Таким образом, политико-правовая конструкция автономизма Царства Польского по Конституционному уставу воплощалась в дуалистической модели устройства государственной власти, оставляя окончательное решение всех вопросов за верховной властью и соединяя неограниченное самодержавие с конституционным порядком в национальном регионе империи. Заметим, что похожее устройство власти в начале XIX в. было законодательно оформлено и в соседних землях Российской империи – Финляндии и Бессарабии, однако Царству предоставили автономию и конституцию, более широкую, чем финляндская [14, с. 19]. Речь не идет о правовой базе реальной унии с Россией, поскольку при толковании норм ноябрьской конституции однозначно ясно, что актом подчеркнуты prerogatives дискреционной власти императора в области законодательства, причем с опорой на государственный суверенитет и законы России. В акте волей российского законодателя изменялась существующая система публичной власти польского государства, местное представительное учреждение определялось октроированной императором конституцией, оно не обладало правом законодательной инициативы и возможностью влиять на наследственный статус российского монарха (например, в гипотетической ситуации выборов царя). Значит, в лучшем случае Царство Польское получало национально-территориальную автономию, которую мы и называем автономизмом вследствие унитарности общего политико-территориального и законодательного устройства России. С юридической точки зрения, формально, оно получило национально-территориальное самоуправление вследствие гарантирования властью империи особых прав сформировавшейся этнической группы – поляков с соответствующими культурой, религией, языком.

Твердые убеждения императора в необходимости распространить на приобретенной территории конституционный порядок и его надежды на положительный результат этого процесса выразились в том, что у Александра I было явное желание присоединить к Царству Польскому

западные губернии. То были начальные идеи императора, но еще до выступления в польском сейме он отказался от этой мысли в пользу распространения конституционного устройства на всю территорию России. Следовательно, вопрос польской конституции совершенно явно стоит в одном ряду с другими важнейшими решениями государственного устройства империи в целом. Речь императора перед избранными сеймиковыми и гминными депутатами общепольского сейма обращала внимание всего российского общества на то, что от предлагаемого введения конституционного устройства в Польшу зависят будущие преобразования в России, об этом говорит и тот факт, что она была произнесена по-французски с последующим сразу же в собрании сейма переводом на русский и последующей публикацией в русских газетах. Значение речи Александра I подчеркнуто в начале выступления: «Образование, существующее в вашем крае, позволяло мне ввести немедленно то [правление], которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние, надеюсь я, с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные» [13, с. 157]. Следовательно, правительственные круги придерживались мнения, что Царство Польское, в общем-то, обычная территория государства, лишь временно имеющая особенное управление – до расширения конституционных основ в пределах всей России. Но, возможно и вполне естественно для формы российского государства того времени, и обратное: если укрепление конституции в государственном строительстве не получит дальнейшего развития, то и в Царстве будут осуществлены преобразования по ликвидации ее «особости» и уравнивания с другими территориями в силу такого права верховной власти в границах российского государства.

И все же возникает вопрос: если в 1815 г. было решено, что в Польше решение местных дел осуществлялось на основе обособленной административной и частично правовой системы, избранными доверенными от общества представителями, то какие условия привели к возникновению причин революционных настроений и действий и как была реализована линия правительственных властей империи на сохранение исторически оформившихся в Царстве Польском учреждений, при необходимости выражения общеимперских интересов в пределах действия общего права империи и суверенитета, сконцентрированного в лице монарха – одновременно и Царя Польского, и Императора Всероссийского? Эти и другие аспекты проблематики требуют более подробного анализа и разнопланового подхода.

Исследовательские подходы и соответствующие оценки представленных событий по присоединению Герцогства неоднозначны, например, в связи со 100-летним юбилеем присоединения западных губерний, они и вовсе воспринимаются как негативные: «Факт восстановления Царства Польского принес большой вред не только западным нашим губерниям, но и целой России», поскольку способствовал мятежным настроениям и событиям [15, с. 24]. Безусловно, с точки зрения признаков различных форм государственных союзов, типологически соотносимых с пониманием имперского политико-территориального устройства, применительно к условиям присоединения Польши заниматься анализом произошедшего сложно ввиду проекции известной противоречивости дальнейшей административной линии в отношении Царства – от обещанного национально-территориального автономизма к внедрению после революционных событий 30-х гг. общеимперских государственных и правовых учреждений и далее опять к эфемерной национально-территориальной обособленности, и, наконец, к общеимперскому типу администрации с сохранением лишь некоторой судебной самостоятельности. В связи с выделенной многозначностью оформления во времени нормативно-управленческой системы в территории есть необходимость отразить правовые принципы, закрепляющие условия момента присоединения (а возможно, соединения, поскольку есть основания ставить и так проблему) значительной части Герцогства Варшавского к Российской империи.

В итоге исследования вопроса вернемся к тому факту – Венским договором 1815 г. в ст. 1 устанавливалось принципиальное правило, что император «сохраняет за собой право дать этому государству, пользующемуся особым административным строем, внешние грани-

цы, какие он заблагорассудит», и потому классик юридической науки С. А. Алексеев приходит к суждению, что Варшавское герцогство было присоединено к России, таким образом, не в силу договора между Россией и Польшей, а в силу договора между государствами, заключившими Венский трактат. Соответственно, приходим к суждению, что имеем юридический состав инкорпорации, а не реальной унии. Согласимся с убеждением ученого в том, что если первоначально Польша была разделена между победителями Франции, а затем ее отдельные территории отошли к победителям, то польское государство не могло в момент заключения Венского договора 1815 г. выступать субъектом международного права. Добавим к этому утверждению, что, лишившись к этому моменту суверенитета, она оказалась в подчиненном положении, у нее отсутствовал выбор, поскольку она уже выступала стороной обязанной. И, как следствие правовой позиции, С. А. Алексеев ставит акцент: потому и российский монарх как единственный источник власти в империи придерживался следующего рассуждения: «Обязательства, вытекающие для России из Венского договора, суть обязательства России не по отношению к Польше, а по отношению к государствам, заключившим Венский трактат» [16, с. 200].

Список литературы

1. **Семенов А.** Обзор работы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании» / Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 20–29.
2. **Лаптева Л. Е.** Красняков Н. И. Западные национальные регионы в системе государственного управления Российской империи в XVIII – начале XX в. Закрепление автономистской традиции в российской государственности. – Рецензия на монографию // Государство и право. 2010. № 10. С. 124–126.
3. **Чубарьян А.** Тема империй в современной историографии. Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 10–14.
4. **Красняков Н. И.** Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.). Новосибирск, 2023. 460 с.
5. **Губарев Д. Н.** Проект Д. Н. Губарева гражданского управления в России. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1886. 27 с.
6. **Кареев Н.** Исторический очерк польского сейма. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1888. 169 с.
7. **Еленев Ф. П.** Польская цивилизация и ее влияние на Западную Русь. СПб.: Тип. И. Шумихера, 1863. 88 с.
8. **Валишевский К.** Смутное время: Репринт. воспроизведение изд. 1911 г.: [Пер. с фр.]. М.: Совмест. сов.-фин. предприятие «ИКПА», 1989. 434 с.
9. **Носов Б. В.** Установление российского господства в Речи Посполитой. 1765–1768 гг. / Отв. ред. В. К. Волков. М., 2004. 728 с.
10. **Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.** Федерализм в истории России: [в 3 кн.]. М.: Республика, 1992. 238 с.
11. **Струве П. Б.** Великая Россия / Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 211–220.
12. **Кодан С. В.** Александр I и реформы: между абсолютизмом и конституционализмом // Чиновник, 2005. № 6. С. 55–62.
13. **Мироненко С. В.** Самодержавие и реформы: Полит. борьба в России в нач. XIX в. / Отв. ред. С. С. Дмитриев; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1989. 238 с.
14. **Игнатъев Е.** Россия и окраины: Очерк / Под ред. проф. И. И. Иванюкова. СПб.: Тип. С. М. Проппера, 1906. 47 с.

15. **Никотин И. А.** Столетний период (1772–1872) русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649–1876). Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1886. Т. 1. 1886. 381 с.
16. **Алексеев А. С.** Русское государственное право / Конспект лекций орд. проф. Имп. Моск. ун-та А. С. Алексеева. 4-е изд. М.: Тип. Об-ва распространения полезных книг, 1897. 583 с.

References

1. **Semenov A.** Review of the work of the international conference “The History of Empires: comparative methods in study and teaching” / The Russian Empire in a comparative perspective. Collection of articles / Edited by A. I. Miller. Moscow, 2004, pp. 20–29. (in Russ.)
2. **Lapteva L. E.** Krasnyakov N. I. Western national regions in the system of public administration The Russian Empire in the XVIII – early XX century. Consolidation of the autonomist tradition in the Russian statehood. – Review of the monograph. *State and law*, 2010, no. 10, pp. 124–126. (in Russ.)
3. **Chubaryan A.** The theme of empires in modern historiography. The Russian Empire in a comparative perspective: Collection of Articles. A. I. Miller (Ed.). Moscow, 2004, pp. 10–14. (in Russ.)
4. **Krasnyakov N. I.** The Russian Empire: the experience of managing national regions (mid-XVII – early XX century). Novosibirsk, 2023, 460 p. (in Russ.)
5. **Gubarev D. N.** D. N. Gubarev’s project of civil administration in Russia. St. Petersburg.: Type. A. S. Suvorin, 1886. 27 p. (in Russ.)
6. **Kareev N.** Historical sketch of the Polish Sejm. Moscow, Type. A. I. Mamontov and Co., 1888, 169 p. (in Russ.)
7. **Elenev F. P.** Polish civilization and its influence on Western Russia. St. Petersburg, I. Schumacher Type, 1863, 88 p. (in Russ.)
8. **Valishevsky K.** The Time of Troubles: A reprint. reproduction of the 1911 edition: [Translated from French]. Moscow, 1989, 434 p. (in Russ.)
9. **Nosov B. V.** Establishment of Russian domination in the Polish-Lithuanian Commonwealth. 176-1768. V. K. Volkov (Ed.). Moscow, 2004, 728 p. (in Russ.)
10. **Abdulatipov R. G., Boltenkova L. F., Yarov Yu. F.** Federalism in the history of Russia: [in 3 books]. Moscow, Republic publ., 1992, 238 p. (in Russ.)
11. **Struve P. B.** Great Russia / Nation and empire in Russian thought at the beginning of the XX century. Moscow, 2004, pp. 211-220. (in Russ.)
12. **Kodan S. V.** Alexander I and reforms: between absolutism and constitutionalism. *Official*, 2005, no. 6, pp. 55-62. (in Russ.)
13. **Mironenko S. V.** Autocracy and reforms: Polit. the struggle in Russia in the beginning. XIX century. S. S. Dmitriev (Ed.); Academy of Sciences of the USSR, Institute of History of the USSR. Moscow, Nauka publ., 1989, 238 p. (in Russ.)
14. **Ignatiev E.** Russia and the Suburbs: An essay / Edited by prof. I. I. Ivanyukov. St. Petersburg, Type. S. M. Propper, 1906, 47 p. (in Russ.)
15. **Nicotin I. A.** The centennial period (1772–1872) of Russian legislation in the provinces reunited from Poland and legislation on Jews (1649–1876). Vilna, A. G. Syrkin’s type, 1886, vol. 1. 1886, 381 p. (in Russ.)
16. **Alekseev A. S.** Russian state law / Lecture notes by Ord. Prof. Imp. Moscow. A. S. Alekseev University. 4th ed. Moscow, Type. The distribution of useful books, 1897, 583 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ
SPIN 5429-3412

Information about the Author

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation
SPIN 5429-3412

*Статья поступила в редакцию 13.09.2024;
одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 25.10.2024*

*The article was submitted 13.09.2024;
approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 25.10.2024*